

Ж И З Н Ь

архимандрита Никодима Казанцева.

(Окончаніе).

Ученіе въ высшемъ отдѣленіи.

1828—1830 годы.

На вакацію, по окончаніи ученія въ низшемъ отдѣленіи Академіи, я приглашенъ былъ на родину къ княгинѣ Аннѣ Александровнѣ Меншиковой, моей матери крестной, для обученія ея сына и дочки закону Божию, Грамматикѣ Русской, Ариметикѣ. Я былъ весьма тому радъ, особенно оттого, что зналъ, что это послужитъ къ великому утѣшенію и ободренію моимъ родителямъ, уничиженнымъ и умаленнымъ. Такъ и случилось. Точно, мои родители воскресли и крестьяне ради меня стали весьма почитать и моихъ родителей. Я училъ сына ея Владиміра 15 лѣтняго и дочку Александру 11 лѣтнюю. Владиміръ—тупой и избалованный барченокъ; Александра—острая и живая дѣвочка. Они учились у меня играючи; однако я имъ сдѣлалъ много добра. Тутъ я увидѣлъ, какъ глупы доселѣ наши вельможи. Дядька князенька нѣмецъ—мѣщанинъ Митавскій,—не имѣющій никакого образованія, кромѣ что умѣеть по-нѣмецки читать и писать. Французъ съ женою старики, люди и въ старости вѣтренные; только не глупъ, но несносно гордъ былъ англичанинъ. Несмотря на то, что я былъ учитель дѣтей княгини, я былъ отребіе, и меня трактовали не лучше лакея. Надобно было терпѣть. За вакацію дано мнѣ 100 рублей. На нихъ я сшилъ себѣ суконную шинель, которой не имѣлъ доселѣ. Я пробылъ у княгини до конца Авгус. и, слѣдств., въ Академію явился поздно.

Судя по тому, что я переведенъ былъ въ высшее отдѣленіе, кажется, въ первыхъ пяти, я полагалъ, что буду почетенъ должностію старшаго. Случилось не такъ. Я остался рядовымъ, можетъ быть и потому, что явился поздно. Маленько однако я поскучалъ. Меня опредѣлили въ 1-й № комнатъ. Я былъ доволенъ. Сотоварищество прекрасное (половина прежнихъ, съ которыми я жилъ первые 2 года). Старшій — почтенный: это Ив. Васил. Холмогоровъ-Платоновъ, Виенскій мой товарищъ, приобрѣтшій себѣ неотъемлемое право 1-го студента регулярнымъ занятіемъ по всѣмъ классамъ, зрѣлостію ума и солиднымъ поведеніемъ. Первую треть я живо принялся за ученіе. Сталъ ходить на всѣ классы и показавъ, что и я могу быть и съ поведеніемъ и съ успѣхами.

На Рождество я ѣздилъ въ Москву. Здѣсь со мною было 2 приключенія. Первое. Со священникомъ Павломъ Андр. Левитскимъ, моимъ двоюроднымъ братомъ, мы были вечеромъ у моей тетки просфорницы въ приходѣ въ Драчахъ. Мы оба были маленько нетрезвы. Тутъ я по неосторожности и совершенно неожиданно сдѣлался причиною ссоры съ жильцами тетки, столь жестокой, т. е. ссоры, что едва не дошло дѣло до схватки. Не знаю, какъ мы спаслись. А за такую исторію я могъ бы потерять свою голову. На другой день я благодарилъ Бога, что спасся. Вотъ причина къ ссорѣ. Мы пришли къ теткѣ: ея нѣтъ. Брату Павлу захотѣлось напиться. Я пошелъ въ кухню попросить воды. Тутъ вбѣжалъ постоялецъ, дерзко закричалъ: что я за человѣкъ и какъ осмѣлился войти. Я сказалъ, что я племянникъ хозяйки дома и взошелъ попросить воды. Вотъ вся моя вина. Дерзкій постоялецъ (чиновникъ, служащій въ Почтамтѣ) едва меня не ударилъ, а послѣ расшумѣлся столь жестоко, что мы едва ушли. Безумный человѣкъ могъ бы насъ опозорить. кликнувъ полицейскихъ. А мы къ несчастію были не совсемъ трезвы. Второе: это приключеніе лучше умолчать: однако оно меня такъ трясло, что я рѣшился, не отлагая времени, поступить въ монашество (пишу 10 окт. 1842 г.).

Приѣхавши въ Академію изъ Москвы, я серьезно занялся мыслию о монашествѣ. Мое желаніе было всегдашнее — быть монахомъ. Теперь я не о томъ думалъ: итти, или нѣтъ въ монахи, а о томъ, теперъ итти, или по окончаніи курса.

Я думалъ, если пойду я въ монахи по окончаніи курса, то я не узнаю монашество въ низкихъ его степеняхъ. Тогда я тотчасъ буду Инспекторомъ какойнибудь Семинаріи и профессоромъ. Меня будутъ почитать и бояться, а я буду самъ себя господинъ. Гдѣ-жъ тогда монашеское уничиженіе, послушаніе и малость. Нѣтъ! пойду въ монахи сей-часъ, пока я еще студентъ. Тутъ я буду подъ начальствомъ, будучи самъ ничто. Тутъ я увижу и испытаю, что такое монахъ съ одною рясою, безъ имени. Послѣдняя мысль побѣдила. Съ мѣсяць я походилъ въ церковь, помолился и, перекрестясь, написалъ просьбу и подалъ. Это, помнится, было 6-го Февр. въ 1829 году. Мнѣ тогда было немного побольше 25 лѣтъ.

Я пришелъ съ просьбою къ Инспектору Архимандриту Евлампію (нынѣ Епископу въ Орлѣ). Инспекторъ шель къ Ректору. Спросилъ бѣгло, какую я имѣю нужду. Я подалъ ему просьбу. Прочелъ и разсѣянно мнѣ сказалъ: „Подумалили вы? Не напрасно-ли вы это затѣваете? Я бы не совѣтовалъ“. И тотчасъ меня отпустилъ, взявши однако просьбу.

Такой ледяной приѣмъ человѣка, рѣшающаго судьбу цѣлой жизни, меня удивилъ. Однако дѣло уже начато. Я не имѣлъ счастья нравиться Инспектору, можетъ быть и потому, что я самъ не имѣлъ къ нему нисколько уваженія и въ мысляхъ былъ вовсе съ нимъ не сходенъ. Конечно, этого прямо я не смѣлъ обнаруживать, но, вѣдь: лицо есть зеркало души. Кто хочетъ, прочтеть и увидить въ семъ зеркалѣ много. И же отъ природы совершенно простъ и открытъ.

Не знаю, въ тотъ ли же день, иль спустя нѣсколько, о. Инспекторъ вечеромъ позвалъ меня къ себѣ. Не помню, говорилъ ли онъ мнѣ что-нибудь, но помню: онъ пересочинилъ мою просьбу и велѣлъ мнѣ снова переписать. Чудный человѣкъ! У меня было написано: „имѣю желаніе поступить въ монашество: 1) по любви къ уединенію; 2) по любви къ ученію“. О. Инспекторъ поправилъ: „хочу поступить въ монашество для внутренняго самоочищенія“ и проч. (кажется, это собственныя его слова).

Теперь всякій видитъ, почему я не могъ уважать Инспектора. Пустыя грезы и мечты у него были—дѣйствительность. Однако я не смѣлъ отказаться, переписалъ просьбу по-его и принесъ. Ее послали въ Петербургъ. Я ждалъ рѣшенія не-

терпѣливо. Прошло недѣль 7 и—пришло рѣшеніе. О. Инспекторъ призвалъ меня къ себѣ и велѣлъ готовиться. Явился портной съ экономомъ, сняли мѣрку и тотчасъ сшито было все монашеское платье. Меня постригли за литургією въ 5-е воскресеніе великаго поста. Съ вечера я ходилъ исповѣдаться къ духовному отцу Іеромонаху Иринею, старцу древнему и строгому (онъ уже скончался). Возвратясь отъ него, я слушалъ всенощное въ залѣ о. Ректора съ прочими. Потру я ушелъ въ главную залу, чтобъ тамъ помолиться и надѣть длинную монашескую рубашку. Тутъ были студенты; однако скоро ушли. Я молился оцѣпенѣлый предъ образомъ Покрова Пресв. Богородицы. Просилъ ея покрова на будущую новую жизнь. Заблаговѣстили къ обѣднѣ. Сердце мое дрогнуло. Завернувшись въ шинель, я пошелъ въ трапезную церковь (гдѣ обыкновенно была Академическая служба). До времени малаго выхода, мнѣ дали келью трапезнаго. Я тутъ былъ одинъ. Мнѣ велѣли для себя прочесть часы. Предо мною слѣдованная Псалтирь. Я прочелъ умиленно. Въ кельѣ было большое зеркало. Я взглянулъ и испугался себя самого: былъ блѣденъ, какъ полотно. Пришли за мною со свѣчами: о. Инспекторъ и экономъ Іеромонахъ Палладій. Я сбросилъ шинель, остался въ одной рубашкѣ, какъ мертвецъ. Вышелъ въ столовую. Мнѣ велѣли предъ образомъ Спасителя положить 3 поклона. Потомъ одѣли меня справа и слѣва мантиями; я пошелъ закрытый согбенный. Пѣвчіе запѣли умиленно: „Объятія Отча отверсти ми потщися“. У меня полились слезы рѣкою. Въ продолженіе всего постриженія я плакалъ навзрыдъ и измочилъ слезами все монашеское одѣяніе.

О. Ректоръ, Архимандритъ Поликарпъ (онъ уже скончался, царство ему небесное!) былъ очень чувствителенъ. Онъ постригалъ почти всегда со слезами. Это еще болѣе меня трогало. Кончилась церемонія; меня поставили у образа Спасителя. Въ продолженіе литургіи я началъ успокаиваться и постепенно приходилъ болѣе и болѣе къ какой-то истинно не земной радости. Меня причастили. Послѣ литургіи, по обычаю, я былъ порученъ о. Инспектору, яко духовному отцу. Послѣ, съ пѣніемъ стиха: „Познаимъ, братіе, таинства силу“ и пр. меня повели вонъ изъ храма, въ Троицкій Соборъ къ мощамъ Угодника Божія Сергія. Затѣмъ я приведенъ былъ

въ свою келлію, которая была уже обитаема двумя сотова-рищами монахами и третьимъ священникомъ (пишу 24 окт. 1842 г.).

Въ день постриженія студента о. Ректоръ обыкновенно дѣлалъ у себя обѣдъ. Меня позвали на обѣдъ съ прочими моими сомонахами. Я былъ уже веселъ, какъ дитя. Выпилъ рюмку какого-то вина. За обѣдомъ о. Ректоръ разсказалъ, почему онъ назвалъ меня Никодимомъ. Въ эту ночь у него почевалъ Ив. Ив. Лилеевъ, профессоръ Словесности Виѣанской Семинаріи (они съ о. Ректоромъ по Академіи товарищи). О. Ректоръ сказалъ Лилееву: „Завтра у насъ постриженіе; будемъ постригать студента Казанцева. Онъ вѣрно твой ученикъ?“ Ив. Ив.—„да!“— „Чѣмъ ты его помнишь?“—Ив. Ив.: „Кроткій дѣтinka! помнится, однажды въ Великую Субботу онъ очень хорошо читалъ непорочны за заутренею“. О. Ректоръ: „Пусть же будетъ онъ Никодимъ во имя праведнаго Никодима, служившаго при погребеніи Спасителя“. За такое объясненіе спасибо. Мнѣ мое имя очень нравится. Когда я служу литургію, то всегда цѣлую Антиминсъ (въ Херувимскую), вижу праведнаго Никодима у ногъ Спасителя и тѣмъ умиляюсь. О, если бы это умиленіе меня спасло отъ грѣховъ моихъ!

Послѣ обѣда о. Ректоръ вынесъ книжку и благословилъ ея—на память постриженія. Это Псалтирь, съ его надписью. Я ее храню и она меня спасла отъ многого! О. Ректоръ сказалъ: „Наши отцы говорили: пусть лучше солнце остано-вится отъ своего теченія, нежели умолкнетъ Псалтирь отъ чтенія“. Послѣ о. Ректоръ мнѣ вручилъ подрясникъ, присланный мнѣ на благословеніе отъ Митрополита Филарета. И этимъ я былъ очень утѣшенъ. Я храню его и хочу сохранить какъ можно долѣе. Вотъ мое постриженіе! для меня оно сдѣлало въ жизни важную эпоху. 13 слишкомъ лѣтъ прошло съ того времени, и сколько событій сладкихъ и горькихъ было со мною!

Слѣдующая недѣля поста по нашему была еще учебная. Я не ходилъ въ классъ, а ходилъ въ церковь. О. Инспекторъ прислалъ мнѣ выговоръ и требовалъ, чтобъ я ходилъ въ классъ: я отказался. Опять видно: что это за человекъ. Ну, Богъ съ нимъ! Мои товарищи и друзья студенты отъ меня отделились, уважая мой санъ: я увидѣлъ, что уже я

не ребенокъ. Я постриженъ 31 Марта 1829 года. Съ того времени, до прїѣзда въ Лавру Митрополита, я былъ монахомъ. 5 іюля, въ день Преп. Сергія, Митрополитъ положилъ меня во Иеродіакона. Благодать Діаконства меня восхитила: я радовался, какъ дитя.

Занявшись полною душою дѣломъ своего монашества, я вовсе потерялъ изъ виду мои обязанности студента: учился очень лѣниво и на классы даже ходилъ не ко всѣмъ учителямъ. Этого я теперь жалѣю, но уже не воротишь!

2-й годъ моего ученія въ Высшемъ отдѣленіи былъ лучше: я кое-чѣмъ занимался. Писалъ проповѣди, и онѣ были очень одобряемы. Особенно помню одну: на день Введенія. Я говорилъ „о младенчествѣ духовномъ“, описывая оное, какъ высочайшее совершенство характера Христіанскаго. О Ректорѣ усумнился было одобрить мою проповѣдь, но когда услышалъ ее отъ меня въ церкви, благодарилъ меня за нее. Я тамъ понялъ младенчество въ чертахъ незлобія, безпритворства, довѣрчивости, простоты и протолковалъ о высшихъ поступкахъ, въ какихъ христіанинъ обнаружилъ бы оныя съ величайшимъ совершенствомъ.

Въ послѣднюю треть года я занялся сочиненіемъ разсужденія о дѣвствѣ христіанскомъ. Это разсужденіе едва не положило меня въ могилу: въ полтора мѣсяца, ходя притомъ въ классы и исправляя огромныя повторенія уроковъ, я написалъ болѣе 50 листовъ сочиненія рѣшительно оригинальнаго, ни откуда ничего не заимствуя, собственно изъ своей головы. Разсужденіе вышло хоть безъ отдѣлки, но точно, богатое особенно по смѣлости и новости взгляда моего на сей предметъ, а также и по его полнотѣ. Въ немъ я сильно (какъ мнѣ и теперь кажется) доказывалъ, что Богъ создалъ людей для дѣвства, а не для жизни брачной, что бракъ есть слѣдствіе паденія, какъ способъ рожденія новыхъ людей, взамѣнъ грѣшниковъ, которымъ, по суду Божию, надлежало умирать; даже, что самое паденіе прародителей едва ли не было сокрушеніе печати дѣвства. Это я доказывалъ всѣми образами: и разумомъ. и исторією, и опытами, сведеніемъ мѣстъ св. Писанія ¹⁾. Это разсужденіе я подалъ о. Инспек-

¹⁾ Смѣло и вѣрно ли! надобно получить откровеніе отъ Бога, а не собою рѣшать. 29 маія 1872 г.

тору. Онъ меня раза два бралъ въ садъ и тамъ, ходя со мною, заставлялъ меня читать. Бѣдняжка о. Инспекторъ конфузился при рѣзкихъ мѣстахъ, гдѣ я выставлялъ на сцену неблагообразіе и вопль природы противъ покушеній на похищеніе дѣвства. „Нѣтъ съ! это тово-съ, тово-съ; пожалуйте, пожалуйте!“ вотъ были его тускляя междометія въ рѣзкихъ мѣстахъ моего разсужденія. Впрочемъ Инспекторъ было вооружился противъ моего разсужденія, но я, съ одной стороны не будучи разувѣренъ имъ въ моемъ образѣ мысли, съ другой—не находя времени приняться и написать другое разсужденіе, принялся его доканчивать и подалъ о. Ректору. Оно у меня еще хранится. О. Ректоръ не похвалилъ за многоглаголаніе, но уважилъ мою любовь дѣвства, сказавъ: „Видно, что сочинитель убѣжденъ въ преимуществѣ дѣвства предъ жизнію брачною и, конечно, избралъ первое, а не послѣднее.“

Подходило время окончательнаго испытанія и — конецъ столь долгаго моего ученія. Я ждалъ его нетерпѣливо, но и скорбѣлъ, что былъ во многомъ не исправенъ. Но, слава Богу, выдержалъ и внутреннее и публичное испытанія благополучно: не сдѣлалъ рѣзкихъ отвѣтовъ, но отвѣчалъ ординарно хорошо. Кончилъ курсъ я въ 1 разрядѣ 5 и получилъ степень магистра. Это меня восхитило и я благодарилъ Бога!

1-го іюня, въ день рожденія Императрицы Александры Ѳеодоровны, Митрополитъ Филаретъ рукоположилъ меня во Іеромонаха. Я былъ на небесахъ отъ радости. Но тутъ со мной случилось искушеніе: когда надо было вытти на молебень, я, не зная, гдѣ встать, спросилъ стоявшаго въ литургію подлѣ меня Іеромонаха Дамаскина: гдѣ мнѣ встать? Онъ сказалъ: „Становись около меня“. Но онъ былъ соборный, слѣдс., стоялъ высоко. Я, какъ дитя, безъ всякихъ мыслей, сталъ около него. Митрополитъ, замѣтивъ это, послалъ Протодіакона поставить меня на мое мѣсто. Я слышу приказаніе; горю стыдомъ. Протодіаконъ, протѣснившись до меня, сказалъ: „Отець, вы не на своемъ мѣстѣ. Его Высокопреосвященство приказалъ мнѣ поставить васъ на ваше мѣсто; пожалуйте“. Это онъ проговорилъ мнѣ крупно и громко, а потомъ потащилъ меня книзу и поставилъ на послѣднее мѣсто! оно довелось уже не на помостѣ храма (въ Троицк.

соборѣ), а на ступеняхъ соли. Я горѣлъ стыдомъ и меня видно было всей церкви. Искушеніе, оно для меня поучительно на всю жизнь; и много разъ уже меня спасало. Спасибо Владыкѣ. Однако дивлюсь: Владыка будто именно отъ сего былъ скученъ весь день!

Черезъ недѣлю, иль побольше сего, будучи на совершенной свободѣ, я вздумалъ сходить помолиться Богу въ Ростовъ. Подговорилъ съ собою для охоты товарища изъ Владимірскихъ — Михаила Тимоѳ. Преображенскаго (съ нимъ впослѣдствіи я встрѣтился въ Вяткѣ на службѣ), мнѣ совершенно преданнаго. Къ намъ привязался еще Яковъ Ильичъ Владыкинъ, тоже Владимірскій. Пошли пѣшкомъ. Первую ночь ночевали въ селѣ (позабылъ названіе), гдѣ былъ я, еще бывши въ Риторикѣ. На другой день пришли въ Переславль и остановились въ Никольскомъ монастырѣ у строителя и смотрителя училищъ. Тутъ со мной вышло нѣсколько приключеній горькихъ: 1) Я вздумалъ покупаться въ озерѣ; былъ уже вечеръ. Мы побѣжали къ озеру, раздѣлись и въ воду. Озеро, со стороны города, весьма мелко и эта мель простирается больше версты отъ города. Ища глубины хоть въ полсъ, я все бѣжалъ дальше и забѣжалъ, думаю, съ версту. Солнце уже садилось; съ озера потянулъ холодный вѣтеръ. Вбѣжавъ въ воду немного пониже пояса и окунувшись нѣсколько разъ, я поспѣшилъ вонъ. Здѣсь то я ужаснулся своего положенія: я былъ мокрый, но больше половины меня наружу. Бѣжать по водѣ, пока она въ колѣно и выше, скоро нельзя; между тѣмъ, холодный вѣтеръ нищетъ меня насквозь. Я чуть не падалъ. Выбѣжалъ; чувствую, что озябъ смертельно. Накинувши кое-какъ рубашку и подрясникъ, а остальное схватя въ охапку, я бросился бѣжать, чтобъ согрѣть себя. Бѣжалъ до самаго монастыря что есть силъ и—не нагрѣлся. Вбѣжалъ въ комнаты и тотчасъ сказалъ о своей глупости. Тутъ уже готовъ былъ самоваръ: это, кажется, къ моему счастью. Я попросилъ рому; выпилъ чашку, двѣ, а можетъ быть и 3: согрѣлся, охмѣлѣлъ и уснулъ. Такъ прошла эта бѣда; но едва ли совѣмъ. 2) Одинъ Переславльскій священникъ, товарищъ моимъ двумъ спутникамъ, просилъ преусердно меня къ нему вмѣстѣ съ тѣми двумя. Я согласился. Мы были. У священника былъ сынъ малютка. Отецъ и мать подвели

его ко мнѣ, чтобъ я благословилъ. Благословляя его, я сказалъ безъ всякихъ хитростей вотъ что: „Расти дитя, утѣшай собою родителей и будь магистромъ“. Я не догадался, но одного изъ моихъ спутниковъ это взбѣсило. Это Владыкина. Онъ студентъ, точно, весьма хитрый и начитанъ, но за лѣность и, кажется, не мастерское перо, попалъ во 2-й разрядъ и кончилъ кандидатомъ. Тѣ мои слова малюткѣ онъ принялъ на свой счетъ и протолковалъ такъ: „будь, дитя, умень какъ я, а не какъ эти мои товарищи“. Сказавъ свои рѣчи простой душою, я нисколько о нихъ не думалъ. Пошли отъ священника. Владыкинъ сталъ ко мнѣ придирается: началъ меня дурачить, поносить. Я сперва сердился, потомъ въ горячности самъ началъ его бранить. Но Владыкинъ своими язвительными и нестерпимо поносительными рѣчами довелъ меня до того, что я зарыдалъ и въ это время впервые въ жизни—открылась со мною истерика. Умираю; спирается дыханіе. Тутъ Владыкинъ и другой мой товарищъ испугались. Тотчасъ бросились мнѣ въ ноги и просили прощенія. Это было уже въ комнатахъ зрителя—ночью. Они вывели меня на свѣжій воздухъ, и я едва отдышался. На 2-й день, иль чрезъ день послѣ сего, мы пошли далѣе въ путь. Я изнемогалъ. Мы пошли не по большой дорогѣ, а правѣе—бокомъ, чтобъ зайти въ село и поклониться Чудному Кресту. Были тутъ у діакона: ночевали. Этотъ Чудный Крестъ колоссальной величины. На немъ Спаситель вырѣзанъ; онъ изъ древа. Надпись на немъ древняя греческая: „Εἰς αὐτὸν τανυῖ“. Онъ явился здѣсь въ болотѣ и указанъ окрестнымъ жителямъ огненнымъ надъ нимъ столбомъ. Это мѣсто поднялось горою и стало церковью. На семъ мѣстѣ и поставленъ очень хорошій, древняго вкуса, храмъ. При Крестѣ Спасителѣ, въ тоже время, явился образъ Николая Чудотворца. Отъ сихъ св. Иконъ содѣявались и доселѣ содѣяваются чудеса благодати Божіей. Меня поразило и привело въ трепетное благоговѣніе воззрѣніе на Чудный Крестъ Господень.

Другую ночь мы ночевали въ селѣ Порѣчьѣ Оно на берегу Ростовскаго озера, противъ Ростова. Это столица огородниковъ. Село, какъ городъ: каменные дома. Очень большое село. Церковь небольшая, но колокольня превысокая. Поутру мы наняли лодку и поплыли чрезъ озеро. Меня вос-

хищало зрѣлище огромныхъ водъ, еще невиданныхъ мною (озеро попер. 8 вер., въ длину до 15 ти).

Пріѣхали въ Ростовъ и остановились въ Яковлевскомъ монастырѣ. Меня обласкали удивительно о. Архимандр. Иннокентій—старецъ благочестивый и о. Намѣстникъ Флавіанъ. У послѣдняго я и квартировалъ. Въ день св. Пророка Иліи я сподобился служить въ храмѣ, гдѣ почиваютъ Святит. Ростовскіе: Іаковъ и Димитрій. Удивительно благоухаютъ мощи Святителя Димитрія. Рака его огромная и едва ли не лучшая изъ всѣхъ въ Россіи. О. Архимандритъ насъ обвезъ по всѣмъ монастырямъ Ростовскимъ и усладилъ насъ своими интересными и душеполезными повѣстями. Я былъ весьма утѣшенъ. Спасибо доброму о. Архимандриту: послѣ того, какъ мы у него нагостились досыта ¹⁾, онъ отправилъ насъ въ Лавру на перемѣнныхъ, давши намъ 25 руб.

Эта милость для меня была, кажется, необходима: я бы пѣшкомъ не дошелъ. Потрясеніе, полученное мною въ Переславлѣ, оставило глубокіе слѣды: я померкъ. Пріѣхавши въ Академію, я скоро отправился на прощаніе съ родными: услышалъ, что меня назначаютъ профессоромъ Богословія во Владимірскую Семинарію. Былъ въ Коломнѣ и въ селѣ сего уѣзда Бояркинѣ у зятя, потомъ уѣхалъ къ родителямъ. Тутъ, погостивъ немного, простился и поѣхалъ въ Москву.

Мое здоровье мнѣ отказывало. Я былъ ужасно грустенъ и дряхлъ. Пріѣхалъ въ Академію, чтобъ получить по формѣ себѣ назначеніе. 2-го сентября о. Ректоръ надѣлъ на меня и на о. Филарета (моего товарища) магистерскіе кресты, поздравилъ насъ и обласкалъ. Тутъ мнѣ о. Ректоръ объявилъ, что я опредѣленъ не во Владимірскую, а въ Тульскую Семинарію, вторымъ профессоромъ Богословія и Инспекторомъ Семинаріи. Такъ кончилось мое длинное и тяжелое ученіе въ Училищахъ, въ Семинаріи и въ Академіи.

Скажу о нѣкоторыхъ приключеніяхъ въ продолженіи моего ученія въ Академіи.

1-е. Въ Академію я поступилъ очень хилымъ. У меня ноги были, какъ ледяныя, не могъ нагрѣть. Оттого у меня голова была дурна и я былъ мраченъ. Меня о. Инспекторъ

¹⁾ Тутъ былъ и о. Филаретъ Гумилевскій.

помѣстилъ въ дурной комнатѣ, и я мучился ею цѣлую треть. Ужасно безпокоили меня мои товарищи—ребята вольные и избалованные. Это рязанскіе. Но одинъ вятскій, Дановъ—рѣшительно выводилъ меня изъ терпѣнія. По Вятски онъ, обыкновенно когда удавалось, напивался до безчувствія, такъ, что не разъ опасались за его жизнь. Въ этомъ видѣ, онъ всегда придирался, не знаю почему, ко мнѣ. Ругалъ меня всячески, укорялъ за мою будто дурную жизнь въ Семинаріи (которой онъ не зналъ). Благодарю Бога! я претерпѣлъ для заповѣди Божіей. (Этого бѣднягу Данова исключили чрезъ годъ изъ Академіи. Я его видалъ въ Вяткѣ, бывши тамъ Ректоромъ. Онъ уже священникъ. Живетъ временами трезво, съ сильнымъ религіознымъ чувствомъ. Въ бѣдномъ Черемисскомъ селѣ: имѣетъ охабку дѣтей. Его зовутъ Максимъ Θεоктист. Онъ просилъ моего посредства за него у Архіерея; но было безуспѣшно, потому что о. Максимъ не ровень поведеніемъ).

Послѣ Рождества о. Инспекторъ перемѣстилъ меня въ 12 №. Эта комната хороша и товарищи добрые. Я былъ утѣшенъ. Здѣсь я поступилъ на мѣсто студента изъ Калужскихъ, скончавшагося внезапно. Въ Воскресенье, не бывши у обѣдни, едва-ли не полнѣности, онъ предъ обѣдомъ выпилъ едва-ли не 2 рюмки водки, пошелъ обѣдать, немного поѣлъ, пошелъ домой, на дорогѣ упалъ и—умеръ. Поразительное приключеніе! Это было безъ меня; я пріѣхалъ къ его похоронамъ. Событіе сіе надолго покрыло всѣхъ насъ какимъ-то ужасомъ.

Въ этой комнатѣ я прожилъ цѣлые полтора года. Товарищи премилые, особенно одинъ утѣшалъ насъ всѣхъ—изъ Казанскихъ, Ник. Ив. Паникскій. Былъ кротокъ, какъ дитя: великій мастеръ и охотникъ забавлять анекдотами, которыхъ онъ зналъ много. Любимое его слово шельмовство и теперь помню. (Бѣдняжка, будучи въ Высшемъ Отдѣленіи, онъ предался пьянству. Я былъ уже монахъ. Просилъ, убѣждалъ его оставить эту глупость. Нѣтъ, такъ и прожилъ дурно, оттого и курсъ кончилъ не богато. Онъ не получилъ себѣ мѣста, и я слышалъ, что онъ и доселѣ куралесить. Это непостижимо. Именно милой души человекъ. Если еще живъ, желаю ему счастья. Но здѣсь насъ всѣхъ крайне безпокоилъ нашъ старшій Алекс. Вас. (впослѣдствіи Іеромонахъ Амвросій) Неклюдовъ изъ Вологодскихъ Это низко пьяный че-

ловѣкъ, пилъ запоемъ и часто. А во время сихъ пароксизмовъ, не спитъ всю ночь, бродить, кричить, тащить съ собою гулять. Сущее мученіе. (Онъ уже скончался; вотъ его исторія: еще живя съ нами, онъ подалъ просьбу въ монашество. Просьба принята и отослана въ Синодъ. Обыкновенно, дѣло это тянется 6, или 7 недѣль. Ал. Ив. крѣпился, былъ всегда трезвъ. Наконецъ, 7-го Генв. на день Іоанна Предтечи онъ разрѣшилъ и ужасно безобразно. Въ этотъ день былъ имявинникъ нашъ товарищъ Ив. Яков. Предтеченскій изъ Калужскихъ, протоіерейскій сынъ. Какъ водится, онъ кое-чего купилъ на именины. День прошелъ хорошо. Съ вечера всеобщее (видно, на другой день было Воскресенье). Я ушелъ ко всеобщему. Они остались. Прихожу отъ службы: батюшки мои! Нѣтъ ни единой кровати на мѣстѣ, тюфяки и подушки разбросаны по полу, столъ опрокинутъ, чашки перебиты: сущій хаосъ. Нашъ старшой, какъ воевода, въ одной рубашкѣ, безобразно пьяный, расхаживаетъ между своими руинами. Еще до меня у него уже былъ Инспекторъ и ужаснулся. Что-же? на другой день изъ Синода приславъ указъ—постричь въ монашество Алек. Ив.! Въмѣсто постриженія его выслали въ другой номеръ, однако, кажется, старшимъ же. Тутъ онъ прожилъ до великаго поста трезво и въ мрачномъ сокрушеніи. Ему назначили проповѣдь на „блуднаго сына“. Я слышалъ эту проповѣдь: весьма умная. Послѣ, въ постъ его постригли и нарекли Амвросіемъ. Закончилъ курсъ онъ изрядно. Не помню, чтобъ онъ былъ пьянъ. Такъ какъ онъ былъ изъ лучшихъ студентовъ, то его оставили при Академіи Баккалавромъ Церковной Исторіи. Въ это время онъ разрѣшилъ снова и пилъ цѣлый годъ, съ малыми промежутками, пребезобразно. Черезъ годъ его изъ Академіи перемѣстили въ Костромскую Семинарію; тамъ онъ тоже былъ жестоко дурень. Его оттуда послали въ Ростовскій Яковлевскій монастырь. Здѣсь онъ исправился. Ему опять дали Инспекторство въ Тобольской Семинаріи. Здѣсь уже онъ кончилъ свое поприще. Сперва лишили его ученыхъ должностей, потомъ священства, и даже монашества. И въ семъ то жалостномъ видѣ, онъ милостынно возвращался на родину—въ Вологду. И не дойдя до нея немного, именно уже въ Вологодск. губ., найденъ мертвымъ на полѣ. Ужасная исторія; не осуждаю, а жалѣю о человѣкѣ.

Поживъ нѣсколько, мы очень свыклись между собою. Пріятно вспомнить, какъ мы хаживали въ Пафнутіевъ садъ (за стѣною Лавры), въ Посадъ, по лѣсамъ, въ Виванію. Съ Виванією я разстался для Академіи съ жалостію и, бывало, когда приду сюда изъ Академіи, не посмотрюся на прежнія знакомыя мѣста. Вообще, младшимъ студентомъ Академіи я жилъ очень утѣшительно. Благодарю Бога, меня товарищи любили, а нѣкоторые, видя мои достоинства, даже уважали. Въ шутку меня звали дьячкомъ, за то, что я рѣдко стригся, любя носить долгіе волосы, любилъ долгое платье и не терпѣлъ модничанья.

Я любилъ ходить въ церковь. Молодые мои товарищи надо мною за то шутили, но я не могъ себѣ отказать отъ хожденія во храмъ, какъ только это было можно. Начиная съ ранней весны и во все лѣто, въ Лавру обыкновенно стекается великое множество богомольцевъ, большею частію простой народъ; хотя впрочемъ, особенно лѣтомъ, много бываетъ дворянъ и купцовъ. Любя ходить въ церковь, я тѣснился между богомольцами. Бывали и шалости. Глупая и злая привычка пить водку, кажется, много унесла моего здоровья. Покаюсь, не разъ, не два, а можетъ быть десятки разъ я бывалъ пьянъ безобразно и какъ дорого я платилъ за это! Пусть я былъ счастливъ, ни разу не былъ на судѣ у начальства за это. Но мученія совѣсти за дурныя рѣчи и поступки въ семь видѣ, мученія тѣлесныя, это были мои мстители за негодную шалость.

Страсть къ женскому полу также меня мучила ужасно и не разъ приводила къ конфузамъ. Я искалъ дружбы одной дѣвочки Александры (дочери экспедитора на почтѣ), она была благосклонна, но дѣло кончилось одною сердечною дружбою: я ужасался дальнѣйшаго.

Однажды, кажется, въ Пасху я поднимался даже на чашу огромнѣйшей и высочайшей въ Россіи Лаврской колокольни. Даже имѣлъ смѣлость обойти ее кругомъ и, держась за цѣпи, коими придерживается крестъ, смотрѣть внизъ. Смѣлость необыкновенная! Слава Богу, что со мной ничего не случилось. Странно: ночью, отъ бессонницы, перебирая въ головѣ, гдѣ я сей день былъ, когда вспомнилъ, какъ я смѣло лазилъ по колокольнѣ, сталъ столько пугаться, какъ будто я теперь тамъ и боялся какъ бы не свалиться и съ кровати.

(Быль въ моей жизни и другой подобный случай: у насъ въ селѣ, въ вакацію, сорвало бурю шпигъ съ колокольни. Туда подмостились, чтобъ сдѣлать новый. Я захотѣлъ испытать свою смѣлость: влѣзъ къ самой шейкѣ по веревкѣ, но оттуда едва слѣзъ и перепугался столько, что у меня въ мускулахъ сдѣлалась боль ужасная, такъ что я долго не могъ владѣть ни руками, ни ногами. Это, кажется, было на 15-мъ году иль раньше, моей жизни).

Въ высшемъ отдѣленіи 2 года мною прожиты скучнѣе. Первая треть была однако порядочная. Я утѣшался дружбою товарищей и полюбилъ заниматься дѣломъ. Но съ Рождества, задумавъ итти въ монахи, я почти оставилъ всѣ дѣла до самаго постриженія и во все это время былъ весьма грустенъ и мраченъ. Въ этотъ промежутокъ случилось со мною 2 предурныя приключенія: 1-е. Я былъ у вечерни въ Троицкомъ соборѣ (уже въ великій постъ). Тутъ меня увидѣлъ кончившій курсъ семинаристъ Виѳанскій Григорій Воздвиженскій, еще мой землякъ (изъ села Воздвиженія пономаревъ сынъ). Онъ меня сталъ просить, выпить чаю, въ гостиницу. Онъ пріѣхалъ съ Московск. священникомъ вдовымъ, изъ прихода, что въ Печатникахъ, у котораго онъ и жилъ. Я согласился. Прихожу. Здѣсь сущій кабакъ: штофовъ и бутылокъ цѣлый рядъ. Я ужаснулся. Начали меня просить травникомъ: я отказался; сладкою водкою: я отказался. Винограднымъ виномъ (какимъ, не знаю) я согласился, полагая, что оно вовсе не хмѣльно. Въ это время я былъ чуть живой отъ грусти тяжелой. Не помню, много ли я пилъ, но я скоро забылъ все и потерялъ память. Здѣсь я ночевалъ. Вставши утромъ, я ужаснулся своего поступка. Съ досадою на своихъ угостителей, кивнувъ имъ, я побѣжалъ въ Академію и благодарю Бога, что Инспекторъ не узналъ, что я не ночевалъ въ Академіи. 2-е. Вечеромъ поздно, полагаю, въ 10-мъ часу, иль еще позднѣе, я вышелъ на улицу походить и подумать. Началъ расхаживать по аллеямъ между соборовъ. Потомъ, подойдя къ часовнѣ, что надъ св. кладяземъ, я остановился у окна и смотрѣлъ въ него на горящую внутри часовни лампаду, творя молитву. Слышу: подходит человѣкъ; это монастырскій часовой. Окрикнулъ: я подаль голосъ: „Что ты за человѣкъ? чего ты тутъ смотришь?“ Потомъ еще про себя: „цѣлы ли замокъ и печать“.

Осмотрѣлъ съ фонаремъ: цѣло! Когда я сказалъ, что я студентъ, прогуливаюсь и подошелъ къ окну просто посмотрѣть на огонекъ: часовой не вѣрилъ; зоветъ къ намѣстнику. Я испугался ужасно: о. намѣстникъ не терпѣлъ студентовъ: а тутъ я, точно, виноватъ; да еще къ крайней моей бѣдѣ у меня немного было въ головѣ. Я сказалъ сторожу: „Пойдемъ лучше къ нашему начальству. Пошли; а я и своихъ забоялся не меньше. Слава Богу! довелъ меня до нашего крыльца сей строгій часовой, далъ мнѣ натацію и воротился. И здѣсь я возблагодарилъ Бога, что попалъ въ бѣду и спасся.

Послѣ постриженія въ монахи, я жилъ въ особой отъ студентовъ комнатѣ, близъ о. Ректора и залы, вмѣстѣ съ другими студентами-монахами. Въ то время были: Никонъ, Іоасафъ и бѣлый священникъ Стефанъ. Никонъ изъ Тульскихъ, человѣкъ очень религіозный и постникъ, но лицемеръ, надменный, нечеловѣколюбивый и величайшій лжецъ. Іоасафъ изъ Тамбовскихъ священниковъ; почти дуракъ, нестерпимый гордецъ и пьяный. Флегматикъ въ крайней степени и по воспитанію невѣжда. Священникъ Стефанъ умный парень изъ Московск. Епархіи, изъ села Воздвиженска, что въ 11 верстахъ отъ Лавры. Полгода жилъ съ женою и овдовѣлъ. (Этотъ бѣдняжка не стерпѣлъ гнета отъ Инспектора, который трактовалъ его хуже студента свѣтскаго. Онъ исключился чрезъ годъ, сколько я его ни уговаривалъ. Послѣ, лѣтъ 6 прожилъ въ Андрониковѣ Монастырѣ; и наконецъ, сложилъ съ себя санъ, женился на дѣвчкѣ, которую, вѣроятно, сманилъ прежде и теперь помощникомъ Инспектору въ училищѣ, что при воспитательномъ домѣ въ Москвѣ. Жалѣю, что въ проѣздъ въ Одессу я у него не былъ).

Послѣ меня постриглись въ монахи еще три студента: Филаретъ изъ Тамбовскихъ (Дмитрій Григ. Гумилевскій), коварно кроткій, религіозенъ, но лицемеренъ и надмененъ, но уменъ. Поликарпъ изъ Пензенскихъ (Карпъ Мильтоновъ) простенькій, кроткій непритворно, педалекій. Павелъ изъ Тульскихъ-младшій, кротокъ, очень неглупъ, религіозенъ, больной съ самаго постриженія. (Перешедши въ высшее отдѣленіе, послѣ насъ въ первую треть, онъ скончался чахоткою. Примѣчательно: онъ со мною послалъ письмо въ Тулу къ роднымъ. Я не собрался еще передать его, какъ услы-

шалъ, что онъ скончался. Тутъ я полюбопытствовалъ распечатать и прочесть письмо покойника. Что же онъ пишетъ? скорбитъ сильно и раскаивается, что пошелъ въ монахи! Это меня сильно смутило и дало мнѣ самому горькую задачу).

Никонъ, по окончаніи курса, посланъ былъ въ Пермскую Семинарію Инспекторомъ, оттуда въ 1834-мъ году въ Тульскую Семинарію Ректоромъ, гдѣ находится и донинѣ.

Іоасафъ былъ посланъ смотрителемъ въ Епифанскія училища (Тульской Епархіи). Къ Пасхѣ спился съ кругу, растратилъ казну, былъ судимъ, посланъ въ Бѣлевскій монастырь, тамъ поссорился и потерялъ священство, послѣ поссорился еще и потерялъ монашество. Давно уже и скончался.

Филаретъ оставленъ былъ при Академіи Баккалавромъ, послѣ тутъ же Инспекторомъ; потомъ здѣсь же Ректоромъ и въ прошломъ году (1841) въ декаб. произведенъ во Епископа въ Ригу—онъ же и Викарій Псковскій, гдѣ и донинѣ находится.

Поликарпъ былъ посланъ въ Иркутскую Семинарію Инспекторомъ, потомъ въ Смоленскую Инспекторомъ же. Бѣдняжка! онъ, кажется, и доселѣ въ Смоленскѣ тѣмъ же и недавно Архимандритомъ.

Вотъ мои товарищи, съ которыми я жилъ и мучился. Свящ. Стефанъ былъ мой любимый товарищъ: съ нимъ я любилъ дѣлить время. Однако, было скучно, что онъ былъ довольно вѣтренъ и нетерпѣливъ. Съ о. Поликарпомъ впоследствии я лучше сдружился. Съ нимъ пилъ чай и гулялъ. Но это былъ мѣшокъ, котораго не скоро вызовешь на улицу. О. Іоасафъ меня почиталъ (какъ и другихъ) ребенкомъ въ сравненіи съ собою, презиралъ отвратительно: я платилъ ему тѣмъ же и едва-ли не съ процентами.

О. Филаретъ жилъ съ нами немного. (Онъ постригался въ послѣднюю треть). Видя ласки къ себѣ начальниковъ, онъ, подъ личиною молчаливости, пренебрегалъ насъ всѣхъ, а меня паче другихъ, видя, что я не ихъ десятка. Однако, онъ меня не обижалъ.

О. Никонъ, вотъ этотъ былъ мой мучитель. Онъ ненавидѣлъ меня, какъ собаку, а я, чувствуя себя немножко по-лучше и, зная его малость и лицемѣрство, презиралъ его

вдвое. Оттого мы особенно съ нимъ жили дурно. Даже нѣсколько времени я столько былъ имъ раздраженъ, что не могъ ни ѣсть, ни молиться, ни заниматься вмѣстѣ. Всѣ мѣры употреблялъ, чтобъ отъ него быть подальше. Это, наконецъ, стало меня столько мучить, что я сталъ молиться Богу, чтобъ Онъ смирилъ меня: было тщетно. Я несъ это время во все мое съ нимъ житіе. Къ большой досадѣ о. Инспекторъ этого Никона сдѣлалъ старшимъ надъ нами. И о. Никонъ былъ столько глупъ, что вздумалъ въ самомъ дѣлѣ поступать съ нами, яко старшій. Я тутъ былъ для него оstenъ бодущій. Но, однажды, за это онъ мнѣ отплатилъ изрядно. Вотъ исторія: 17 марта одинъ изъ младшихъ студентовъ (Алексѣй Михайловичъ), будучи имянинникъ, позвалъ меня къ себѣ на чай. Я былъ. Меня онъ приневолилъ (именно—я не хотѣлъ) выпить двѣ чашки пунша съ дурною французскою водкою. Я пришелъ домой навеселѣ. Это было уже вечеромъ. О. Никонъ, бывъ послѣ ужина у Инспектора, донесъ на меня, что я не въ своемъ видѣ. Инспекторъ пожаловалъ къ намъ. О. Инспекторъ имѣлъ обыкновеніе заставлять при себѣ прочесть вечернія молитвы. Онъ заставилъ меня. Я понялъ, что это значитъ и сталъ отказываться. Инспекторъ спросилъ: „почему?“ Я отвѣтилъ: „потому, что я не въ своемъ видѣ, пусть прочтетъ трезвый, а у меня есть въ головѣ“. Инспекторъ заставилъ кого-то другого. Послѣ молитвъ, онъ отозвалъ меня въ другую комнату и наединѣ сталъ мнѣ сказывать, какъ дурно пить хмѣльное; указывалъ на пьяныхъ Баккалавровъ (Амвросія и Евграфа); грозилъ мнѣ горькою участію и проч. Я принялъ смѣлость въ это время сказать ему много. Вотъ главное: „Вы, о. Инспекторъ, напрасно съ нами поступаете, какъ съ дѣтьми. Вамъ бы поправлять наши характеры, а не выматывать ихъ. Вы напрасно у монаховъ сдѣлали старшаго. Это обидно. Если нуженъ старшій у насъ, то не угодно ли сдѣлать такимъ о. Эконома, яко отца нашего духовнаго, или же не угодно ли вамъ самимъ принять названіе?—и вы нашъ отецъ. Если же нуженъ бы былъ старшій между нами изъ насъ, то вы выбрали бы достойнѣе о. Никона. Мы его презираемъ. И чрезъ то вы дѣлаете обиду, напр., и мнѣ. И что такое о. Никонъ? лицемѣръ, который, полагаю, презираетъ и тѣхъ, кто его возвеличилъ. Лицемѣры неблагодарны.

Не опасайтесь за мою слабость. Благодарю Бога, чувствую, что еще далеко до бездны, которою вы мнѣ грозите. Даже мое здоровье не позволитъ мнѣ быть пьяницею“. Тутъ я растолковалъ, какъ дурно поступилъ о. Никонъ, донеся о. Инспектору на меня. Ошибка произошла отъ случая, а не отъ страсти пить. Тутъ, говорилъ я, было бы лучше покрыть братнее согрѣшеніе. Не знаю, какъ принять отъ меня о. Инспекторъ такія рѣчи, но видно было, что его удивляла моя свобода и смѣлость (такъ у насъ давятъ свободу!)

Въ другой разъ, помня обиду, нанесенную мнѣ ябедою о. Никона, я вздумалъ, и очень глупо, отсмѣять ее и ему и Инспектору. Было воскресенье жень-муроносицъ. Въ этотъ день я именинникъ. О. Инспекторъ служилъ и я. Я ему читалъ правила предъ обѣднею. Послѣ правилъ мнѣ Инспекторъ сказалъ: „Пожалуйте сегодня вечеромъ ко мнѣ на чай: позовите и свою братію“. Я объявилъ приглашеніе. Служили. Послѣ обѣда, какъ именинникъ, я угощалъ, помню, сладкою водкою гостей. Тутъ былъ и мой братъ. Зная, что вечеромъ мнѣ надобно быть у Инспектора, мнѣ слѣдовало бы ничего не пить: я захотѣлъ сдѣлать на зло; хотъ умѣренно, но выпилъ. Пришли къ Инспектору. Онъ насъ посадилъ. Мнѣ далъ книжку и велѣлъ читать вслухъ. У меня прилипаютъ языкъ. Грустно это было о. Инспектору. Послѣ и самъ я потушилъ, но уже не воротилъ, что сдѣлаешь.

Примѣчательны были въ это-же время два сна. Первый: однажды лѣтомъ, послѣ ужина, мы съ о. Никономъ заспорили объ о. Моисей, Ректоръ Тульской Семинаріи, впоследствии помѣшавшемся въ разсудкѣ. О. Никонъ жалѣлъ и защищалъ его, доказывая, что обиды, какія дѣланы ему были отъ Тульск. Преосвящ. и отъ сослужащихъ, были столь велики, что они свели его съ ума. Я, напротивъ, говорилъ, что хотъ и жаль о. Моисея за его теперешнее положеніе; только ежели онъ отъ огорченій помѣшался въ разсудкѣ, это не дѣлаетъ чести его благочестію. „Какъ, вѣдь онъ монахъ! надобно было терпѣть и проч.“ Мы остались каждый при своемъ. Я легъ спать и вижу во снѣ: „будто я схожу съ ума. Это меня ужаснуло. Думаю: что я буду? суцая скотина! Плачу, молюсь, кричу: Господи, помилуй! Нѣтъ! сумасшествіе, какъ облако черное приближается ко мнѣ, подавляетъ меня: чувствую, что я уже заговариваюсь. Остается уже маленькая

искра ума, которая сейчас также должна угаснуть. Я молюсь жарко и пугаюсь. Проснулся и крещусь, радуясь, что это был сонъ, а не правда. Сейчас я вспомнил разговоръ мой объ о. Моисеѣ, раскаялся и съ тѣхъ поръ стараюсь всячески избѣгать осужденія ближняго: своему Господеви стоить, или падаетъ каждый! (Вотъ исторія о. Моисея, сколько знаю: онъ 1-го курса Московской Академіи, лучшій Магистръ. Былъ Баккалавромъ. Обойденъ Инспекторствомъ и симъ огорчился; сталъ пить. Его послали Ректоромъ въ Тулу. Здѣсь онъ пожилъ довольно и дразня больше и больше Архіерея, наконецъ вывелъ его изъ терпѣнія. Завелись бумаги. Дѣло кончилось тѣмъ, что о. Моисея перевели въ Волынскую Семинарію Ректоромъ же. Чудный человѣкъ! не захотѣлъ ѣхать. Подалъ просьбу въ Комиссію Дух. Училищъ и дожидался, что его опять оставятъ въ Тулѣ. Ждалъ долго: тамъ не отвѣчаютъ. Архіерей употреблялъ всѣ мѣры выпроводить его изъ Тулы (а при томъ онъ жилъ въ Архіерейск. домѣ) и не могъ. Наконецъ, не велѣлъ топить его комнаты (а это было зимою). О. Моисей сидитъ въ нетопленныхъ. Велѣлъ выставить рамы: тутъ то о. Моисей собрался. Поѣхалъ на долгихъ; пріѣхалъ въ Волынь. Тамъ его не приняли. Назначенъ другой уже Ректоръ и онъ былъ тамъ! О. Моисей пріѣхалъ назадъ и отправился въ Моск. Лавру, гдѣ ему назначено мѣсто-жительства. Это было въ 1826 году и именно въ тотъ годъ, какъ мы поступили изъ Семинаріи въ Академію. При насъ въ Лаврѣ онъ жилъ уже очень странно: былъ суцій помѣшанный. Бывало, бродитъ по монастырю и за монастыремъ задомъ и передомъ, вертится дико. смѣется, плачетъ, то побѣжитъ бѣгомъ, то остановится. Однажды, кажется, въ распускъ предъ Рождествомъ, онъ пришелъ къ нашему о. Ректору и, выйдя отъ него, сталъ на лѣстницѣ и плакалъ, какъ ребенокъ, навзрыдъ. Когда мы кончили курсъ и разъѣхались, я услышалъ, что о. Намѣстникъ Лавры, наскучивши такимъ гостемъ, просилъ Митр. Филарета вывести его изъ Лавры. Митрополитъ послалъ его въ Угрѣшскій монастырь. О. Моисей пріѣхалъ, напился чаю, съѣлъ и—скончался! Вотъ печальная исторія жалкаго монаха! Я молюсь за него и прошу Бога, да проститъ мое согрѣшеніе. Я его осуждалъ, а самъ хуже его стократно. О. Моисей еще въ Тулѣ мѣшался и оттого въ поступкахъ былъ стра-

нень. Преосвященный-же, не догадываясь о семъ, обижался имъ, какъ человѣкомъ здраваго разума. Выходить, что и Преосв. Тульскій (Дамаскинъ, онъ здравствуетъ и до нынѣ и все въ той-же Тулѣ) не виноватъ. Чудно и примѣчательно: послѣ о. Моисея тоже помѣшался въ умѣ родной его братъ, бывший священникомъ въ Тулѣ, потомъ, кажется, его отецъ. Что такое, Господи? Еще (кстати) въ Тулѣ я зналъ семинариста-Богослова, у котораго отецъ, братъ, дядя, еще кто-то ослѣпли, одинъ, послѣ другого. Да и у семинариста сего глаза болѣли. И слѣпли безъ видимой причины. Чудно!..

2-й сонъ: мнѣ видѣлось, будто я пришелъ въ залу о. Ректора, гдѣ обыкновенно зимою служивали всенощныя. Вхожу: у иконъ слабый свѣтъ; въ залѣ полу-мракъ и нѣтъ почти никого. Увидѣлъ Баккалавра Иеромонаха Евграфа (тогда уже пьянствовавшего) и впереди у иконъ, рядомъ съ нимъ, какую-то бабу въ мѣщанскомъ костюмѣ, среднихъ лѣтъ, неболагообразную, суровую и какъ будто отъ распутства, померкшую. Я подивился, что она стоитъ у иконъ: думаю: что за дура? Нельзя молиться на иконы; ужели молиться на нее? Потомъ мнѣ стало что-то страшно. Я сталъ пугаться; пошелъ украдкою изъ залы вонъ. Смотрю, за мной бѣжитъ мальчишка съ ножомъ. Я обмеръ отъ страха. Вижу, что отъ него не убѣжать; я рѣшился съ нимъ сразиться и сперва старался вырвать у него ножъ. Схватился: рву ножъ, онъ вырываетъ. За черенокъ взять нельзя, хватаюсь за лезвіе; однако не могу вырвать. Изрѣзалъ себѣ руки: кровь течетъ. Я напрягся, сшибъ его и у лежачаго наровлю вырвать ножъ. Не знаю, вырвалъ я у него этотъ ножъ, или нѣтъ, и поранилъ ли онъ меня имъ, больше того, что изрѣзаны руки; только онъ исчезъ; сказавъ мнѣ: „Помни, я блудъ“! Я тотчасъ проснулся, ужаснулся видѣнія и просилъ милосердіе Божіе защитить меня отъ сего нечистаго. Этотъ сонъ мнѣ долженъ быть памятенъ во всю жизнь. Жалѣю, что я его тогда же не записалъ. Теперь прошло уже болѣе 12 лѣтъ послѣ того (пишу теперь 1 декабря 1842 года—въ Одессѣ). Да! этотъ врагъ многократно рѣзалъ болѣе, нежели мои руки! Горе мнѣ, грѣшнику существу!

Вотъ все, что могу припомнить объ Академіи (да, тотчасъ по постриженіи и именно съ 1-го дня, я хотѣлъ было вести

записки о себѣ каждый день Писалъ съ недѣлю: надоѣло! бросилъ! А однако эти записки у меня еще цѣлы.

Теперь о моихъ Академическихъ Начальникахъ и Учителяхъ.

1) *О. Ректоръ Академіи, Архимандритъ Поликарпъ, Докторъ Богословія.* Родомъ онъ Тверскій. Въ наше время еще жива была его матушка-старушка и у него гащивала. Изъ С.-Петербур. Академіи I-го курса Магистръ ¹⁾, по фамилии, кажется, Гайтанниковъ. Онъ былъ сперва Ректоромъ въ СПб. Семинаріи, и оттуда въ концѣ 1824 го года опредѣленъ Ректоромъ въ нашу Академію. Профессоръ онъ былъ примѣрный; Богословію любилъ и занимался ею. Онъ писалъ намъ уроки свои: уроки очень хорошіе, хотя большею частію собранные изъ Богослововъ. По латинѣ зналъ отлично, умѣлъ изъясняться на семъ языкѣ изрядно и часто толковалъ лекціи свои тоже по латинѣ. Его особенный даръ — остроуміе. И онъ часто совсѣмъ непринужденно былъ весьма остръ въ рѣчахъ. Преподаваніе уроковъ впрочемъ не богато: онъ парафразировалъ свои уроки: странная ошибка! Безъ парафраза мы умѣли понять его уроки; слѣдовало говорить то, чего нѣтъ въ урокахъ, но къ нимъ близко. Еще недостатокъ, иль ошибка: онъ изъяснялъ уроки, ходя. Оттого мы только половину слышали, другую нѣтъ. Да еще у него туфли часто бывали со скрипомъ. Не смотря на то, такъ какъ уроки его были отличные, то мы его классъ весьма любили и уважали. Онъ преподавалъ Догматику. *О. Ректоръ* держалъ себя весьма отдаленно отъ студентовъ; мы его только видѣли въ классѣ. Въ четыре года онъ только однажды прошелъ по комнатамъ студентовъ. Характера онъ былъ веселаго. Въ компаніяхъ онъ любилъ забавныя рѣчи, любилъ смѣяться и смѣшить: впрочемъ, сколько знаю, благопристойно. Имѣлъ маленькую слабость, именно: частенько бывалъ нетрезвъ, хотя мы не видывали его безобразнымъ. (Помню, только однажды, въ прощальное воскресеніе, онъ былъ весьма слабъ, едва держался на ногахъ). Какъ бы то ни было, за сію ли слабость, иль почему другому, только онъ былъ обойденъ въ Архіерействѣ. Даже ему отказали и отъ Ректорства, подъ пустымъ пред-

¹⁾ Потомъ и докторъ

логомъ, именно: оказались какія то, въ нѣсколько сотъ рублей начеты по переходящимъ суммамъ, которыя будто задержалъ секретарь ¹⁾. Это было въ началѣ 1836 го года (я тогда былъ въ Вяткѣ Ректоромъ); значить, онъ былъ Ректоромъ въ Академіи 12 лѣтъ.

Получивъ увольненіе отъ Ректорства, какъ сказываютъ, съ большою скорбію, онъ пріѣхалъ въ свой Новоспасскій, что въ Москвѣ, монастырь. Тутъ онъ сдѣлался весьма благочестивымъ; пересталъ пить вовсе, служилъ очень часто и говорилъ проповѣди. Его полюбили монахи и жители Москвы. Но въ то-же время, онъ сталъ гаснуть здоровьемъ. И наконецъ, совсѣмъ слегъ въ постель. Доктора не помогли; болѣзнь усиливалась, и онъ скончался, кажется, къ концу того-же 1836-го года. Такъ много значить душевная скорбь! О. Ректоръ скончался блаженно: за день до смерти онъ удостоился видѣнія. Къ нему пришелъ Угодя. Божій Николай Чудотворецъ (другіе говорятъ—великомученикъ Дмитрій Солунскій) и отъ имени Божія объявилъ ему, что онъ долженъ умереть. О. Ректоръ просилъ продлить на нѣсколько времени жизнь свою, страпась своей неготовности стать на судъ Божій. „Земныхъ радостей я не ищущу“, сказалъ онъ: „онѣ для меня потеряны. Хотѣлъ-бы пожить на землѣ, чтобъ приготовиться для вѣчности“. — „Не бойся“, сказалъ ему Посланникъ Божій: „ты спасенъ. За тебя много богомольцевъ: ихъ молитвами ты спасешься“.

О. Ректоръ, послѣ видѣнія тотчасъ созвалъ всю братію и разскалъ имъ свое видѣніе со слезами. Потомъ попросилъ причастить его и особоровать масломъ. И послѣ того, скоро и тихо скончался! Царство ему небесное! Хотя я не пользовался его особымъ расположеніемъ (потому что и не заслуживалъ), но я его и въ Академіи любилъ и уважалъ. Съ нимъ служишь, бывало, сердце радуется; оттого, что онъ былъ крайне простъ и безъ притворства благоговѣенъ.

Примѣчательно: онъ не любилъ принимать къ себѣ женщинъ. Въ Посадѣ жила Графиня Толстая, вдова, среднихъ лѣтъ, собою очень пріятная. Ей очень хотѣлось познакомиться съ о. Ректоромъ:—онъ отринулъ. Съ этой стороны, думаю, о. Ректоръ былъ истинный дѣвственникъ.

¹⁾ Есть молва, что инспекторъ Академіи Филаретъ содѣйствовалъ къ сему увольненію его—доносамъ

Чтобъ объяснить неблагорасположеніе къ нему начальства, сказываютъ, будто нынѣшній Государь Николай Павловичъ во время ректорства о. Поликарпа въ Петерб. Семинаріи, будучи еще Великимъ Княземъ, видѣлъ его гдѣ то въ нетрезвомъ видѣ и будто онъ это помнилъ и когда представляли о. Ректора въ Архіереи, онъ его обходилъ. Можетъ быть, хоть впрочемъ, я сомнѣваюсь.

Скажу-ли, какъ я думаю? Едва-ли не Митрополитъ Моск. Филаретъ наложилъ на него свою руку; а почему, право не умѣю сказать. Знаю только, что о. Ректоръ былъ простъ и свободенъ: слѣдственно, могъ казаться Митрополиту неуважительнымъ. Знаю и то, что Митрополитъ на экзаменахъ часто о. Ректора немилостиво конфузиль. Впрочемъ чужого не разберешь. О. Ректоръ уже въ вѣчности: царство ему небесное.

(На мѣсто о. Поликарпа въ Ректора произведенъ былъ о. Филаретъ, мой товарищъ. Подивились многіе, что такъ рано и столь молодого человѣка возвышаютъ: тутъ была воля Митрополита. Чудно; а этотъ ребенокъ (Филаретъ) получилъ страшную сиѣсь и осмѣлился даже презирать и конфузить своего предмѣстника, который былъ его Ректоръ и профессоръ и котораго онъ не стоить — ей! — мизинца. Но о немъ скажу нѣчто послѣ).

2) *О. Инспекторъ Архимандритъ Евлампій*, изъ Ярославскихъ, 2-го курса Моск. Академіи, Магистръ. Постригся въ монашество онъ Бакалавромъ, потомъ сдѣланъ Инспекторомъ и Архимандритомъ. Скоро получилъ и кавалерію 2-й степени Анны, за ревизію Вятской и другихъ Семинаріи. Сказываютъ (ибо я самъ не знаю), что онъ, принявъ монашество, сначала былъ весьма смиренный и благоговѣйный монахъ. Но уже въ Инспекторствѣ, онъ значительно приподнялъ голову, не оставляя однако личины самаго напряженнаго благоговѣнія; за это я, не смотря на то, что онъ былъ мой начальникъ, не могъ быть къ нему привязанъ сердечно: даже—я его презиралъ. Онъ это отчасти видѣлъ и однако мстилъ мнѣ не болѣе, какъ пренебреженіемъ меня. При самыхъ посредственныхъ дарованіяхъ, онъ погруженъ былъ въ ученость. Даже во время обѣда онъ заставлялъ что нибудь читать для себя вслухъ. Этимъ онъ мучилъ

часто своихъ любимцевъ. Къ счастью, я таковымъ не былъ, оттого избавился этой муки.

Однако, однажды онъ позвалъ меня къ себѣ почитать ему—вечеромъ. Подаль мнѣ мелко-писанную тетрадь: переводъ изъ Богословіи нѣмца Зайлера. Досадно, не разберу, да и нѣмецкая чувствительность для меня приторна. Я былъ въ негодованіи. Помучился часа два. О. Инспекторъ тихонько ходилъ—и размышлялъ!? Послѣ завелъ со мною рѣчь о Зайлерѣ, котораго ей—онъ не понималъ. „Да - съ, онъ очень благочестивый человекъ. Хороши его правила и для монаховъ“. Я не утерпѣлъ, началъ говорить: „Не согласенъ! какіе учителя для монаховъ! У насъ есть учителя: Св. Василиій Великій, Ефремъ Сирийскій, Отцы Соборовъ и проч. Вотъ это учителя. А нѣмецъ? его самого надо учить хоть бы онъ былъ и католикъ. Нѣмцы, да и вообще христіане другихъ исповѣданій, какъ то наивны и притворны въ правилахъ благочестія. То низки до подлости, то дерзки до похуленія святыхъ Божіей. Потерявъ православіе, они не умѣютъ быть истинно благочестивыми даже и тогда, когда того, повидимому, хотятъ. Нѣтъ! я не люблю нѣмцевъ!“ Такія и подобныя рѣчи я заговорилъ. О. Инспекторъ замолчалъ съ видимою досадою. Мы простились: и съ того времени, онъ уже не приглашалъ къ себѣ на чтеніе!

Такъ какъ о. Ректоръ не входилъ ни въ какія студенческія дѣла, то о. Инспекторъ у насъ былъ для насъ единственный начальникъ. Любилъ тѣхъ, кто предъ нимъ пресмыкался и отличалъ ихъ предъ другими. Это было больно. Не могъ терпѣть вовсе свободныхъ рѣчей, хотя бы совершенно основательныхъ, кажется, отъ собственной малости душевной и лицемерства, иль самопрельщенія. Учитель онъ былъ весьма прилежный. Обыкновенно сиживалъ въ классѣ полтора часа, а иногда цѣлые два, даже больше. Однажды, по пріѣздѣ съ ревизіи, онъ насъ морилъ дней 10, сидя въ классѣ цѣлыхъ 4 часа. Но что было его преподаваніе, его лекціи? ей, сухая чепуха. Жалость! Говорилъ онъ преобильно, періодически, но никогда не оканчивая періода. Слѣдств. безъ смыслу. Не имѣлъ нити въ лекціи: начиналъ о Фомѣ и оканчивалъ о Еремѣ. Безпрестанныя дигрессіи, тусклость, разсынающійся горохъ, не соберешь вичего. Къ тому грубый языкъ, напр., мутилъ (т. е. мутность, соръ), печность

(т. е. заботливость) и много других совѣмъ дурацкихъ словъ, которыхъ теперь не припомню.

Бывало, говоря, онъ вздумаетъ спросить студента. Чтожь? сперва подниметь студента, потомъ начнетъ ему говорить, наговаривать съ три короба и спросить: „Ну что же вы скажете?“ Бѣдняжка студентъ вовсе не знаетъ: о чемъ его спрашиваютъ? А о. Инспекторъ преважно стоитъ, дожидаясь отвѣта и думая, что вопросъ его очень хитеръ. Потомъ начнетъ снова новую галиматью и горохъ: это въ поясненіе 1 вопроса. Студентъ пробурчитъ что-нибудь и они разстанутся.

Однажды была лекція о молитвѣ. Говоря множество тусклыхъ и несвязныхъ рѣчей, онъ наконецъ вздумалъ задать возраженіе „молитесь нѣтъ нужды. Богъ всевѣдущъ и благъ“. (Это короткое возраженіе онъ изъяснялъ четверть часа). Что-же? ни самъ онъ, ни студентъ, котораго онъ спросилъ, не сказали солиднаго ничего. Оттого: а) что Инспекторъ безпрестанно прерывалъ на полсловѣ студента и начиналъ новыя объясненія, изъ нихъ каждое составило бы лекцію; б) оттого, что Инспекторъ не умѣлъ прямо отвѣтить на свой вопросъ, ходилъ вокругъ него, а въ него не попадалъ. Чудный человѣкъ!

Между тѣмъ, не смотря ни на какія надъ нимъ насмѣшки, онъ преважно о себѣ мечталъ,—онъ преученый и самыхъ счастливыхъ талантовъ человѣкъ. Имѣя самъ языкъ тяжелый, тусклый, запутанный (подъ часъ и вовсе безъ смысла) онъ непременно измараеть всякое сочиненіе, сколь бы оно ни было хорошо написано. Притомъ, онъ любилъ поправлять не выраженія, а самыя мысли, такъ что часто пересочинивалъ вновь поданную ему задачу. И что-жь выходило? чепуха! Чудный человѣкъ! Досаду сію я доселѣ вполне чувствую. У меня остались его лекціи—образчикъ нестерпимой глупости!

Однажды на экзаменѣ Митрополитъ, послушавъ его разсужденій, въ которыхъ онъ доказывалъ единство закона Моисеева и Евангельскаго, сказалъ ему просто дурака: о Инспекторъ пренебрегъ Митрополита, сказавъ: „Онъ не принялъ бы моихъ объясненій, а то я бы доказалъ, что говорю вѣрно (между тѣмъ истинно говорилъ дичь!). Онъ былъ преподавателемъ нравственной Богословіи.

По окончаніи нашего курса, онъ былъ сдѣланъ Ректоромъ въ Виѣанскую Семинарію. А отсюда, кажется, въ 1834-мъ г., произведенъ во Епископа въ Екатеринбургъ; теперь онъ въ Орлѣ Епископомъ-же. Студентовъ онъ мучилъ длинными лекціями, а теперь мучитъ православныхъ и духовенство длиннѣйшимъ служеніемъ (см. мою записку о переѣздѣ моемъ изъ С.-Петербурга въ Одессу въ 1841-мъ году. Я ѣхалъ чрезъ Орель и былъ у Преосв. Евлампія).

3) *Теодоръ Александровичъ Голубинскій*, профессоръ Философіи, Магистръ 1-го курса Моск. Академіи, нынѣ Протоіерей изъ костромскихъ. Этотъ человѣкъ примѣчательный, особенно отличается глубокомысліемъ, здравымъ и неподдѣльно благочестивымъ направленіемъ мышленія. Я ему обязанъ правильнымъ взоромъ на философію и особенно благодарю его за ученіе объ идеяхъ. Это важное ученіе лучше него, и даже такъ, какъ изъяснилъ намъ онъ, не знаю, кто-бы разумѣлъ. Встрѣчалъ я въ мелкихъ журнальныхъ статьяхъ русскихъ хвастуновъ эпизоды о сихъ идеяхъ: но—далеко до солиднаго и глубокаго изъясненія ихъ отъ Феод. Александ.

Впрочемъ, схоластически, Теодоръ Ал. былъ лѣнивъ. Онъ насъ училъ по пальцамъ, ни по книгѣ, ни по запискамъ. Притомъ, онъ не имѣлъ нити въ преподаваніи. Нынче толкуемъ объ идеяхъ, на другой день о Промыслѣ, тамъ о связи души съ тѣломъ; а то принесетъ охабку книгъ и изъ нихъ намъ почитаетъ, переводя самъ съ иностраннаго (больше съ нѣмецкаго) на русскій.

Однако и здѣсь я ему благодаренъ за то, что онъ раскрылъ мнѣ мой умъ и поднялъ его гораздо выше того, чѣмъ онъ былъ прежде. Притомъ его уроки я сравниваю съ искусствомъ настроить инструментъ для игры: онъ настроилъ нашу душу. Мы теперь умѣемъ извлекать изъ нея правильные и гармоническіе тоны. Спасибо ему!

Теперь, сказываютъ, онъ разлѣнился ужасно и просто, какъ говорятъ, даромъ ѣсть хлѣбъ. Можетъ быть, и не диво. Наскучить одно и то же.

Нравственная черта его: никого не осуждать, никого не дурачить, всѣхъ хвалить. Это превосходно. Впрочемъ, квалія и дурного человѣка, онъ не лицемѣригъ, а только, умалчивая о дерзкомъ, отыскиваетъ хорошее и въ этомъ, по

тонкости своего ума и по христіанскому сердцу, всегда бывалъ счастливъ.

Особенно онъ любилъ уважать и отдавать справедливость талантамъ.

Странна женитьба Θεод. Ал.; ему хотѣлось взять за себя нѣмку, жившую компаніонкой у графини Толстой, дѣвушку лѣтъ 27-ми, очень неблагообразную, а впрочемъ, судя по виду, добрую и нѣжной души. Отказала! и онъ остался оплеваннымъ. Дивлюсь! такой бѣдной дѣвочкѣ и такой важный женихъ былъ бы кладъ, а она отринула. Мудрены женскія сердца.

Θеод. Ал. женился, наконецъ, на сестрѣ Вас. Нв. Кутневича (нынѣ оберъ-священника). И эта дѣвица была слишкомъ зрѣлая, полагаю, около 30-ти лѣтъ и тоже собою невзрачная, однако добрая и умная. Они жили прекрасно; имѣли дѣтей. Но года 2, какъ она скончалась! Θεод. Ал. самой бѣдной и смѣшной физики: сутуловатъ, близорукъ ужасно и голосъ имѣетъ какой-то дикій, завывающій, но словесность имѣетъ отборную, блестящую и неизысканную. Какой контрастъ!

4) *Петръ Спиридоновъ. Делицынъ*, профессоръ Математики. Магистръ 1-го курса Моск. Академіи, изъ Московскихъ, нынѣ священникъ, или Протоіерей. Этотъ человекъ отлично знаетъ свое дѣло. Но жаль, что математика столь скучная наука, что ее мудрено заставить полюбить. Я у него былъ изъ любимыхъ потому, что учился изрядно. Жена его, дочь Московскаго Протоіерея Петра Докучаева (скончавшаяся), бывшаго при Димитріе-Солунской церкви, что на Тверской. Женщина важная, умная, но гордая.

Петръ Спир. имѣетъ свѣтлую логику и языкъ логически точный. Его цера я читывалъ разсужденія. Жаль! отъ малости занятій и отъ скуки въ Посадѣ, онъ, бывало, прихаживалъ и въ классъ довольно въ куражѣ. Не осуждаю, а жалѣю. Петръ Спирид. мужчина высокій, фигура лица львиная, стоящая, но не уродливая, рѣчь рѣдкая, свѣтлая. Онъ и доселѣ при Академіи такъ же, какъ Θεод. Александр.

5) *Платонъ Ивановичъ Доброхотовъ*, экстраординарный профессоръ Словесности 1-го же курса Моск. Академіи, Магистръ, изъ Московскихъ. (Онъ уже скончался въ Академіи въ 1832-мъ году). Профессоръ, говорили, весьма умный, но

какимъ онъ былъ для насъ, то меньше посредственнаго. Лѣнивъ ужасно и въ лекціяхъ вовсе не интересенъ. Только за то, что онъ заслужилъ уже о себѣ мнѣніе, мы его почитали. Онъ любилъ забавить и шутить, не всегда однако благоприлично. Критикъ былъ очень ѣдкій. Подъ конецъ онъ жилъ не очень трезво. И едва-ли не отъ того скончался: онъ умеръ желтухою.

6) *Моисей Егоровичъ Молчановъ*, Баккалавръ Исторіи Философскихъ системъ 2-го, или 3-го курса Моск. Академіи. Магистръ изъ Московскихъ. Кривой. Преподаватель отличный и весьма прилежный. Ясность, логическая послѣдовательность—были всегдашнею чертою его преподаванія. Но не мастеръ былъ онъ задавать уроки. То недѣли двѣ ходить въ классы и просто толкуеть, то вдругъ задаетъ выучить столь много, что нѣтъ возможности исполнить. Оттого очень немногіе знали его уроки. Онъ меня не любилъ отчасти и за то, что я не всегда былъ исправенъ, а послѣ какъ я узналъ, за то, что я казался ему пустосвятомъ! Прощаю; онъ не любилъ монаховъ. Онъ былъ женатъ на сестрѣ его товарища нынѣ несчастнаго Архимандрита Гавріила (бывшаго Баккалавромъ Моск. Академіи, потомъ Инспекторомъ въ С.-Петербургской Академіи, отсюда Ректоромъ Орловской Семинаріи, потомъ Минской; здѣсь отставленъ. Послѣ въ Казани Архимандритомъ, законоучителемъ въ Университетѣ, отсюда Ректоромъ въ Симбирской Семинаріи отставленъ и отсюда. Теперь, слышно, опять законоучителемъ въ Казанскомъ Университетѣ). Жена умница и не гнушалась, что мужъ ея кривой. Моисей Егоровичъ послѣ насъ вышелъ изъ Академіи, получилъ въ Москвѣ священническое мѣсто. Отсюда посланъ былъ на ревизію въ Пермскую Семинарію, переведенъ въ лучшій приходъ, награжденъ скуфьей; но уже давно скончался. Былъ, точно, чахоточный, хотя, говорятъ, умеръ отъ простуды.

7) *Дмитрій Петровичъ Новскій*, Баккалавръ Психологіи и Логики, Магистръ 4-го курса Московской Академіи изъ Ярославскихъ. И уменъ, и прилеженъ, но не мастеръ преподавать. Сыплеть рѣчи, какъ горохъ: ничего не запомнишь. Лекціи умныя, но языкъ латинскій—предурной. Ему я подалъ одно разсужденіе: о предчувствіяхъ. Оно ему понравилось и стоитъ того: еще оно въ черномъ у меня цѣло. Дмит-

риі Петр. съ нами вышелъ изъ Академіи. Здравствуетъ и донинѣ священникомъ въ Москвѣ, кажется, въ приходѣ Вознесенія, что на Гороховомъ полѣ.

8) *Александръ Родіоновичъ Сергіевскій*, Баккалавръ Греческаго языка, 4-го курса, Моск. Академіи, Виѣанскій, Магистръ, племянникъ Митрополита Московскаго Филарета. По-гречески зналъ посредственно, но былъ прилеженъ и точенъ. Характеръ имѣлъ преблагородный. Не гордился, что племянникъ Митрополита. Онъ женился на прекрасной дѣвицѣ, дочкѣ какого-то Московскаго Протоіерея. Послѣ насъ, вышелъ изъ Академіи, былъ священникомъ въ Москвѣ, простудился и скончался и уже давно. Жаль.

9) *Николай Ивановичъ Богоявленскій*, Баккалавръ Еврейскаго языка, 5-го курса Московской Академіи, Магистръ Виѣанскій изъ Владимірскихъ. Сперва онъ былъ въ Твери профессоромъ. Баккалавръ преревностный. По-еврейски выучился славно. Былъ весьма занимателенъ. Онъ написалъ Еврейскій лексиконъ съ русскимъ переводомъ изъ Гезенія, подалъ Митрополиту. Лексиконъ не понравился и его труды пропали. Онъ было сосваталъ себѣ невѣсту, именно, ту самую (какъ тогда говорили), которую взялъ Александръ Родіоновичъ. Должно было это его огорчить. Это ли самое, иль неудача лексикона, иль что другое его огорчило такъ, что онъ помѣшался въ разсудкѣ. И его видѣлъ однажды въ Москвѣ у Инспектора Семинаріи (нынѣ Ректора Московской Академіи) Евсевія, проѣзжая въ Вятку въ началѣ 1835-го года. Онъ сдѣлался какъ дитя, простенькій; въ то время жилъ въ Богоявленскомъ монастырѣ—Христа ради.

10) *Иеромонахъ Амвросій*, Баккалавръ Церковной Исторіи 6-го курса Москов. Академіи Магистръ изъ Вологодскихъ (см. о немъ выше).

11) *Иеромонахъ Евграфъ* (Евѣимій Вас. Соколовъ-Михайловъ), Баккалавръ Герменевтики и Св. Писанія. Товарищъ о. Амвросія, изъ Виѣанскихъ; въ Реторикъ—мой товарищъ,—Магистръ. Мы съ нимъ вмѣстѣ переведены въ Реторику, только онъ изъ Дмитровскаго, а я изъ Звенигородскаго Училища. У него былъ братъ Герасимъ Вас., тогда бывшій въ Философіи. Случилось, что мы съ Евфимомъ Вас. жили въ одной комнатѣ, а братъ его былъ нашимъ старшимъ, Ефимъ Вас. скоро почувствовалъ свой верхъ надъ нами:

онъ принялъ солидность и не мѣшался въ наше ребячество. Скоро онъ по латынѣ такъ узналъ, что безъ Лексикона читалъ Цицерона *de officiis*, ходя по роцѣ. Тутъ я увидѣлъ, что мы отъ него въ самомъ дѣлѣ далеки и я и завидовалъ, и уважалъ его невольно. Онъ былъ весьма богомолень. Бывало, какъ начнемъ читать молитвы вечернія, или утреннія, онъ кладетъ преусердно земные поклоны. Послѣ двухъ лѣтъ, я остался опять въ Реторикѣ, а Ефимъ Вас. пошелъ въ Философію. И здѣсь, даже въ первую треть на экзаменѣ онъ отличился такъ, что его Ректоръ поставилъ первымъ. Тутъ полились на него милости отъ начальства. Вслѣдъ за Ректоромъ начали уважать его Инспекторъ и Профессора. Онъ сдѣланъ былъ старшимъ въ одной изъ риторическихъ комнатъ. Довелось мнѣ жить у него подъ старшинствомъ. Ев. Вас. такъ держалъ себя важно, что мы не смѣли къ нему подступиться, трактовалъ насъ всѣхъ наравнѣ. Тутъ запали въ его грудь гордость, и она то злодѣйка въ послѣдствіи его сокрушила. Перебѣдя въ Богословіе, онъ сдѣлался нестерпимо гордымъ. Открылась страсть—нить горькое. Ректоръ и Инспекторъ, уважая его таланты и успѣхи, смотрѣли на это сквозь пальцы, можетъ быть еще и потому, что почитали это минутнымъ заблужденіемъ, которое должно исчезнуть при его солидномъ характерѣ и остромъ разсудкѣ: случилось, къ несчастію, не такъ! Въ семинаріи онъ сею страстію избаловался порядочно, такъ что его почти можно было считать по семинареки пьяницею. Однако, онъ взялъ въ Академію и притомъ съ отличною рекомендаціею отъ нашего о. Ректора Никанора о. Ректору Академіи Кириллу. Счастіе то, или несчастіе Ефима Вас., оо. Ректоры были между собою друзья: слѣдств., рекомендація одного была усвоена другимъ вполне, даже съ избыткомъ. Случилось, что къ этому времени переведены были въ Реторику два племянника о. Ректора Академіи Онъ ихъ держалъ при себѣ и Ефиму Вас. поручилъ ихъ приготовить къ Реторикѣ: порученіе важное. Лучшій студентъ Академіи и изъ старшихъ принялъ бы это предложеніе съ восторгомъ. Оттого Ефимъ Вас. и въ Академіи, только что поступилъ, и обратилъ на себя уважительное вниманіе отъ Баккалавровъ и студентовъ. Злая гордость зрѣла болѣе (ей была пища), а съ тѣмъ вмѣстѣ и низкая страсть—пьянство! Однако, и здѣсь безпорядки

его терпѣли, не смѣя тѣмъ огорчить о. Ректора, который, по вѣжности души своей, сдѣлался совершенно ему преданнымъ.

Однажды изъ Академіи пришелъ Ефимъ Вас. ко мнѣ, въ семинарію. Я купилъ полштофа сладкой водки и онъ выпилъ почти весь. Оттого онъ сдѣлался безумнымъ. Былъ у о. Ректора и у о. Инспектора, которые ужаснулись его безобразія. Такъ какъ онъ не могъ уже дойти до Академіи, то я, какъ невольный виновникъ его нетрезвости (ибо я не смѣлъ ему отказать) принужденъ былъ взять лошадь и довести его въ Академію. Однако Еф. Вас. былъ столько любимъ, или такъ счастливъ, что это ему прошло безъ всего, хотя позоръ былъ на всю Академію. Въ высшемъ отдѣленіи Еф. Вас. скоро постригся въ монахи и нареченъ Евграфомъ (вѣроятно, въ память славнаго Ректора, сперва въ Троицко-Лаврской Семинаріи, а потомъ С.П.Бургской Академіи, къ несчастію, тоже погибшаго, кажется отъ пьянства и гордости).

Студентомъ о. Евграфъ держалъ себя хорошо и успѣлъ кончить курсъ отлично, кажется, первымъ. Онъ оставленъ былъ при Академіи Баккалавромъ. И тутъ то раскрылась въ немъ уже укоренившаяся крѣпко—страсть пьянства, предшествуемая и сопутствуемая также неприступною гордостью. Къ тому ему попался товарищъ (о. Амвросій) столь же, если не болѣе, горькій пьяница. Сперва однако они пили сносно: даже иногда по праздникамъ служили въ церкви. Потомъ они уже вышли вовсе изъ границъ, такъ что пили безъ ума и Страстную и Пасху и не были ни у одной службы. Видя столь жалкое положеніе сихъ несчастныхъ и какъ земляки, особенно жалѣя объ Евграфѣ, я и другой мой товарищъ Иванъ Васильевичъ Платоновъ, однажды пришли къ о. Евграфу и начали его и стыдить, и упрашивать: напрасно! его надменность не допускала насъ говорить съ нимъ близко и—онъ потерялся.

Онъ былъ Баккалавромъ только одинъ годъ. Пришелъ іюнь—экзамены. Приѣхалъ Митрополитъ. Евграфъ не могъ явиться на экзаменъ. Отрѣшили. Митрополитъ послалъ его въ Ново-Годутвинскій монастырь, что близъ Коломны. Здѣсь я его видѣлъ въ 1832-мъ году, бывши у старшаго зятя Амвросія. Нарочно ѣздилъ въ сей монастырь, чтобъ увидѣть Евграфа. И здѣсь онъ пилъ, хотя меньше. Въ комнатѣ у

него отвратительный запахъ. Лице отвратительное, безобразное. Я просилъ его вразумиться. А онъ у меня просилъ денегъ. Я далъ ему талеръ. Отсюда, не видя надежды его исправить, перемѣстили въ Ростовскій Яковлевскій монастырь, гдѣ онъ снова встрѣтился съ Амвросіемъ. И тутъ то о. Евграфъ кончилъ свою жизнь; упалъ съ какой то высоты (въ горячкѣ, иль пьяный) и убили до смерти. Страшный и поучительный примѣръ! Вотъ что гордость: погубила все и таланты, и честь, и стыдъ, даже благочестіе. Не смѣю осуждать. Я величайшій грѣшникъ, хотя не въ этихъ порокахъ. Но жалѣю о немъ душевно и поминую. Прости его, Господи!

12) *Андрей Григорьевичъ Лебедевъ*, Баккалавръ Церковнаго краснорѣчія 7-го курса С.Петербургской Академіи, Магистръ Тверской. Баккалавръ усердный, но малоинтересный. Меня онъ полюбилъ за проповѣди. Впрочемъ, его лекціи я училъ мало и рѣдко ходилъ на его классъ. По-Питерски онъ былъ аккуратень, но и малозанимателень. Послѣ насъ онъ пошелъ въ монахи, кажется, по убѣжденію: кроткій человекъ. Его скоро сдѣлали Ректоромъ въ Вологду. Въ 1838-мъ году онъ былъ вызванъ въ С.Петербургъ на череду священнослуженія и пробылъ до 1-го іюля 1839-г. (Я поступилъ тогда на его мѣсто на череду). Тогда онъ возвратился въ Вологду. Въ 1841-мъ году въ Августѣ онъ переведенъ въ Ректора же въ С.Петербургскую Семинарію, гдѣ находится и донинѣ. (Пишу 7-го Декабря 1842 года въ Одессѣ). Его зовутъ Теогность. (Скончался Архіепископомъ въ Псковѣ).

13) *Василій Григорьевичъ Прилѣтовъ*, Баккалавръ сперва Математики, потомъ Богословія, послѣ Герменевтики и Св. Писанія, 6-го курса Московской Академіи, Магистръ изъ Пензенскихъ. Насъ училъ онъ одинъ годъ. Съ удовольствіемъ я слушалъ его объясненія пророковъ Аггея и Захаріи. Умный Баккалавръ; ясный, логическій. Послѣ насъ онъ былъ Секретаремъ. Теперь вышелъ изъ Академіи и не знаю: въ свѣтское званіе, иль въ священники въ Москву.

14) *Иеромонахъ Платонъ*, Баккалавръ Церковной Исторіи (на мѣсто о. Амвросія) 2 го курса Московской Академіи. Магистръ, изъ Ярославскихъ. Онъ у насъ былъ Баккалавромъ послѣдній годъ нашего курса. Послѣ насъ его сдѣлали Инспекторомъ Академіи. Его исторія жизни примѣчательна: еще бывши студентомъ, онъ полюбилъ дѣвочку—послушницу

Хотькова женскаго монастыря, уговорилъ ее вытти за себя замужъ, женился и уѣхалъ въ Ярославль. Здѣсь онъ былъ профессоромъ Семинаріи, потомъ Ректоромъ Училищъ. Овдовѣлъ (наказаніе за то, что соблазнилъ послушницу) и пошелъ въ монахи. Къ намъ онъ попалъ въ Баккалавры, кажется, по ходатайству нашего Инспектора о. Евлогія, его земляка и товарища. Странный человѣкъ! онъ впалъ въ какую то ересь, похожую на молоканскую, или Массонскую. Сталъ говорить дурачества въ классѣ. Это дошло до Ректора. Ректоръ ему сталъ выговаривать, а о. Платонъ вздумалъ защищаться. У него были дѣти: обѣль дѣвочки, или одна (одна теперь замужемъ за профессоромъ Новгородской семинаріи, нѣкогда моимъ ученикомъ). Онъ какія то употреблялъ варварства надъ своими дѣтьми, по сектѣ, въ какую впалъ. Его учитель въ семѣ былъ какой-то помѣщикъ Дубовицкій (сосланный, кажется, въ Соловецкій монастырь).

Ректоръ, опасаясь заразы отъ сихъ чрезъ о. Платона, написалъ о семъ Митрополиту. Митрополитъ потребовалъ объясненія отъ о. Платона. Сей, вмѣсто того, чтобъ раскаяться въ своемъ заблужденіи, написалъ огромную Апологію на свои заблужденія. Митрополитъ при рапортѣ представилъ его объясненія св. Синоду. Синодъ потребовалъ его въ Петербургъ (въ это время о. Платонъ былъ уже Ректоромъ въ Нижегородской Семинаріи. Митрополитъ, полагаю, нарочно огвелъ его отъ своей Академіи потому, что онъ въ Нижній только пріѣхалъ и уже потребованъ былъ въ С-Петербургъ). Отсюда его послали въ Валаамскій монастырь, гдѣ онъ и прожилъ на покаяніи побольше трехъ лѣтъ. Изъ Валаама его перевели въ Сергіеву Пустынь, что близъ Петербурга. Отсюда онъ былъ взятъ въ Петербургъ, имѣлъ порученія отъ Синода, именно: трудился надъ переводомъ правилъ Соборовъ (въ числѣ другихъ). Здѣшняя жизнь загладила его заблужденія. Ему дали монастырь въ Торжкѣ—Ефремовъ, а недавно перевели въ Тверской Отрочь монастырь, гдѣ онъ находится и донинѣ.

Вотъ всѣ мои Академическіе Начальники и учителя. Были между ними люди достойные, но большая часть очень несоотвѣтствовала ни мѣсту, ни должностямъ. Это видно изъ описанія, какое я о нихъ сдѣлалъ, чрезъ 14 лѣтъ, слѣдственно, вовсе безъ предубѣжденій.

Здѣсь я хочу сказать о нашемъ обученіи въ Академіяхъ:

Удивительно, какъ слабо и вяло наше ученіе въ Академіяхъ. Профессоровъ множество, но у нихъ нѣтъ начальника, надзирателя. Отъ того каждый несетъ свою дичь, что знаетъ и чѣмъ самъ любитъ. У всѣхъ у нихъ есть страсть—писать свои уроки. Но что эти уроки? ей, сушая жалость; ни порядка, ни мыслей, ни языка, ни науки. Такъ, сбродъ всего, что попало. Притомъ нѣтъ самостоятельности. Ихъ мнимыя сочиненія суть выборъ изъ двадцати писателей, иногда вовсе другъ другу противорѣчащихъ, а иногда, что еще хуже, выборъ изъ одного. А что этотъ выборъ? переводъ, притомъ дурной и небрежный, одной страницы чрезъ десять. Да еще и это считаются прилежныя учителя. А лѣнныя? Боже мой! эй, даромъ ѣдятъ хлѣбъ. Они уже не пишутъ и дурныхъ уроковъ. Ходятъ въ классъ не готовые; говорятъ безъ плана и безъ цѣли, что попало. Оттого и неудивительно, что мы были лѣнны ходитъ въ классы. Къ иному, бывало, итти въ классъ значило итти на досаду. Харкаетъ, сморкаетъ, нюхаетъ табакъ, смотритъ въ окно, поговорить пустяки, потомъ о пустякахъ же спросить студента и возится съ нимъ полчаса: очевидно, чтобъ провести время.

Языкамъ учили тоже плохо. Переводъ аналитическій, притомъ извѣстной напередъ статьи и больше ничего. Домашнихъ упражненій никакихъ. А главное, за что я всегда досадовалъ, это ихъ лѣнность читать наши сочиненія. Вообразите: въ четыре года ни одинъ профессоръ ни одному студенту не сдалъ ни одной задачи. Это варварство! какъ же мы могли знать свои ошибки, иль соревновать хорошему? Еще странно: я кончилъ курсъ пятымъ студентомъ, а однако я въ высшемъ отдѣленіи только написалъ четыре проповѣди, а ни одного не подавалъ разсужденія, и молчали, не требовали! какая же это безпечность!

И числился на нѣмецкомъ языкѣ и пяти разъ не былъ въ классѣ: и мнѣ ни разу никто не сказалъ ни слова!

Отъ всего этого выходятъ вотъ какія странности: 1) насъ величаютъ Магистрами Богословія и проч., тогда какъ мы сущіе дураки; даже не умѣемъ перечислить главъ Богословія и не знаемъ его плана. И точно, на примѣръ, о. Ректоръ догматическое Богословіе съ нами прошелъ только до *de Angelis*. Прочее не дано.

О. Инспекторъ писалъ много, но безъ начала и безъ конца, какую-то галиматью, вмѣсто нравственной Богословіи.

Герменевтика была пустая на трехъ, или четырехъ листахъ.

Св. Писаніе намъ не толковали, кромѣ какъ добрый Василій Григорьевичъ Примѣровъ объяснилъ намъ прекрасно Аггея и часть Захаріи, въ одну треть.

На Церковной исторіи сперва былъ пьяница, а послѣ—какой-то лжевѣръ: бывало, все хвалилъ еретиковъ и копался въ ихъ навозѣ. Да и что? все же не дальше учебной книги. Церковное краснорѣчіе и само по себѣ не есть наука, да и бакалавръ былъ хоть усердный, но недалекій.

Метафизику и Нравственную Философію объясняли намъ пресловутый Федоръ Ал. Голубинскій, но у него не было: ни плана, ни лекцій, а такъ вѣчто. Оттого, нельзя сказать и того, что онъ намъ не изъяснялъ философіи, но и не изъяснилъ ее.

Психологія и Логика отъ Бакалавра дурныя. Исторія Философіи хороша: но мы дошли только до Аристотеля. Общая словесность не годилась никуда, да ея почти и не было. Математика была изрядная.

2) Мы, будучи глупы, бываемъ весьма надменны: думаемъ, что насъ умѣе нѣтъ. Оттого, что не научены ничему порядочно.

3) Словесность наша всегда тупа. Мы не можемъ писать скоро. Говоримъ высокопарно, по книжному. Обыкновенно бываемъ болтливы. Нашимъ рѣчамъ не дождешься конца тамъ, гдѣ нужно пять словъ.

4) Мы бываемъ упрямы, насъ не сломишь, хотя городимъ изгороды.

5) Къ дѣлу вовсе не годимся. За какую науку не примемся, ничего не знаешь. Надо самому доучиваться. Вотъ ваши славныя Академіи. Я на нихъ сердить очень за то, что онѣ выпустили меня дуракомъ, промучивъ, однако, цѣлыхъ четыре года. Но я—еще изъ лучшихъ. А что мои любезные товарищи? Эй, посмѣшище ученію и учености. Конецъ: теперь выступимъ на службу. Ребячество кончилось.

Сообщилъ А. С. Богдановъ.